

В пасхальную ночь — эпизод 4 из 6

Церковь с высокой колокольней на холме посредине села. Правда, не старая церковь, а крепкая, каменная. Недаром рабочие паровой мельницы уже дважды пытались провести на общегражданском собрании постановление — передать церковь под клуб, но добиться этого не могли. Не соглашались как раз те жители деревень, которые теперь пешеходом, верхами и на телегах «собираются в свою церковь встречать весенний праздник».

— Граждане, здесь ровно бы дорога, — сладко, но не без ехидства звучит тенорок.

— Объезжай той стороной. Под «Смычкой»... установка тут. Не видишь? На людей прешь...

— Объехать, конечно, можно... Непорядок только это... На одиннадцатом-то году Советской власти...

— Господи... Без хлеба оставили, а теперь и дороги лишили, — шуршит старушонка, в руках которой смутно белеет объемистый узелок.

— Отломи, баушка, куличка да по яичку нам дай — легче донесешь, крюку не заметишь, — озоруют мальчуганы.

— Без хлеба, вишь, Земзюровы остались... На куличи перешли... Хватают рубли-то на базаре, — ворчит кто-то из толпы, узнавший старуху из спекулянтского дома.

У запасного пожарного бака мелькают огоньки церковных свечей. В неровном их свете проглянет порой ребристый костяк основания, взмахнет широкое полотнище, отчетливо видна станет рука с молотком, обвислые усы, татарский малахай, защитного цвета рубаха, красный платок.

— Выше подтяни левый край! Хорош... Давай гвозди... Подтяни книзу... Правый угол, тебе говорят. Эх, Гриша, комсомол еще... уклоны разбираешь, а нет того, чтобы смекалку иметь...

— Задело, видно, тебя... Раз говоришь неправильно, спуску не дам.

— Ладно. Потом договорим, — примирительно кидает сверху малахай, — аккурат будет!

В густой толпе за дорогой тоже копошатся. Парень в резиновке и кепке возится с тремя ящиками у стола. Ближайшим зрителям кое-что видно при свете одинокой, тоже церковной свечки. Обмениваются замечаниями.

— Вывел вороную кобылку из конюшенки... Ростом две четверти, а сила в ней большая.

— Смотри, бабы, мотовило выставил, нитку мотать будет...

— Ровнее только, товарищи... Чтоб перегару не случилось, запасных-то лампочек у меня немного, — объясняет киномеханик сидящему верхом на скамейке крестьянину с кудрявой молодой бородой.

— Вот так, — одобрительно отзывается он, когда над «мотовилом» загорелась ровная яркая точка, отчетливо осветившая укрепленное на пожарном баке полотно.

Еще несколько минут возни, и ребра подставки пожарного бака и самый бак исчезли, забылось и «мотовило», и «вороная кобылка ростом в две четверти», и русобородый двигатель, сидевший верхом на скамейке. Взоры всех приковались к яркому окну в другую жизнь, которая вначале казалась знакомой, — такой же деревенской.

Дунина бабка ушла в церковь пораньше. Дуня проходила мимо пожарного бака как раз в то время, когда в ярко освещенном круге появились слова: «Светлый город». Нельзя же было не взглянуть, что дальше будет. И Дуня остановилась «на минутку». Сначала часто оглядывалась на тусклые огни церковных окон, утешая себя: «долго еще до крестного хода», а когда под звон колоколов этот ход начался, Дуня не смогла даже оглянуться: так захватила ее картина. Молодая крестьянка, пришедшая в город, оказалась в безвыходном положении. Усталая от бесплодных поисков, она так и свалилась на снег перед воротами какого-то большого дома. Что с ней будет?

Издали церковное пение показалось Дуне глухим и не очень складным с выкриками, которые только мешали смотреть, и Дуня была довольна, когда эти звуки прекратились. Зато судьба молодой крестьянки ее радовала все больше. У нее нашлись уже друзья в городе, и чем дальше, тем легче и шире открываются перед ней двери в будущее. Стало понятным, почему картина названа «Светлый город».

— Светлый и есть, — прошептала Дуня, когда картина окончилась.

Идти в церковь теперь было поздно, да и не хотелось. Стала присматриваться, нет ли вблизи кого из подруг, но разглядеть даже рядом с собой было

невозможно. После того, как потухло светлое пятно на полотне, темнота, казалось, стала еще гуще. Хоть народу было кругом немало, но разговоров не слышно: не прошли еще минуты очарования, когда обычно каждый молчит. Вот опять появилось светлое пятно, и против него встал живой человек — секретарь Круглоозерского комитета комсомола Григорий Чукреев.

— Вот он где, — обрадовалась Дуня, но тут же пришли тревожные мысли: и Любка Пантуева там и Аниска Руколеева. Обе от Гриши не отстают. Любка так и прилипает, хоть Гриша на нее и смотреть не хочет. Анисья, конечно, комсомолка настоящая, и в колхозе ее одобряют. А Любка что? Ей бы с парнями повертеться. Она не она — плясунья! Подумаешь — хитрость каблуками пристукивать! И не в лад когда.

С этими ревнивыми мыслями Дуня стала продвигаться к экрану. Здесь ее разглядела одна из подруг и пожалела:

— Опоздала, Дуня!

— Нет, я с самого начала видела.

— Дуня, — обрадовалась та. — С нами, значит, ты! не с теми!

— Подожди, послушаем! — остановила Дуня расспросы подруги.